

**МЕЖДУНАРОДНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЮЖНОЙ
ДОБРУДЖИ ОТ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО
КРАЙОВСКОГО СОГЛАШЕНИЯ
(СЕНТЯБРЬ 1939 – СЕНТЯБРЬ 1940 Г.)**

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

В начальный период Второй мировой войны развернулась борьба великих держав за блоковую принадлежность Болгарии. Влияние Германии и Италии было здесь преобладающим, Великобритании – более слабым. «Возвращение» советской активности на Балканы было ознаменовано нарастающим давлением на Болгарию. Все эти обстоятельства обусловили характер соперничества великих держав в рассматриваемый период и возможные способы решения проблемы Южной Добруджи.

Ключевые слова: болгарско-румынский конфликт; Южная Добруджа; политика СССР на Балканах; Крайовское соглашение.

**INTERNATIONAL AND REGIONAL PROBLEM OF SOUTHERN
DOBRUJACOMMUNITY FROM THE BEGINNING OF THE SECOND
WORLD WARTO THE CRAIOVA AGREEMENT
(SEPTEMBER 1939 – SEPTEMBER 1940)**

A. P. Salkov

*Belarussian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, anatsalkov@mail.ru*

The struggle of the great powers for the bloc belonging to Bulgaria unfolded at the initial period of the Second World War. The influence of Germany and Italy was predominant here, the influence of Great Britain was weaker. The «return» of Soviet activity to the Balkans was marked by mounting pressure on Bulgaria. All these circumstances determined the nature of the rivalry between the great powers in the period under review and the possible ways to solve the problem of Southern Dobrudja.

Keywords: Bulgarian-Romanian conflict; Southern Dobruja; USSR policy in the Balkans; treaty of Craiova.

По итогам Первой мировой войны болгарский регион Южной Добруджи отошел к Румынии, которая стала владеть всем краем, что было закреплено Нейиским мирным договором с Болгарией от 27 ноября 1919 г. В 1920–1930-х гг. в южной части края созрел социально-экономический кризис, усугубленный региональными противоречиями, соперничеством великих держав на Балканах и особыми интересами Коминтерна в Добрудже [11, с. 138–151]. Салоникское соглашение Болгарии с Балканской Антантой от 31 июля 1938 г. отменило военные ограничения Нейи, однако оно не разрешило болгаро-румынского территориального спора [12, с. 28–35]. Напротив, он резко обострился [см. 18]. Латентная до поры проблема Южной Добруджи оказывала заметное влияние на всю систему международных отношений в восточной части Балкан [см. 9].

Проблемы всей Юго-Восточной Европы и Дунайско-Черноморского региона, в частности, выдвинулись на передний план европейской политики. В аналитической справке II Западного отдела НКВД СССР «Дунайская проблема» от 16 июня 1939 г. отмечалось, что продвижение Германии вниз по Дунайскому бассейну в желании поставить придунайские страны «под экономический, политический и военный протекторат» делает ее одной из важнейших европейских тревог. Причем усматривалась прямая связь Дунайской проблемы с возникновением «завтрашней мировой войны» [1, л. 96]. Москва с весны 1939 г. начала менять балканские приоритеты и проявлять повышенный интерес к Болгарии. Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. первоначально вызвал в Болгарии «недоумение и растерянность». Однако правые круги были от «такого сближения в восторге», так как оно могло вызвать «даже одобрение внешней политики Болгарии». Болгарский посланник в Москве (с 1936 по 1939 г.) Никола Антонов на приеме у заместителя наркома иностранных дел (с мая 1939 по март 1947 г.) В. Г. Деканозова 4 сентября выразил удовлетворение Софии и пактом, и советским пониманием болгарской заинтересованности «в положительном разрешении вопроса о Добрудже» [10, с. 83].

С началом Второй мировой войны Болгария, как сообщал 6 сентября временный поверенный в делах СССР в Софии (с апреля 1938 по сентябрь 1939 г.) Н. И. Прасолов, решила проводить «политику резервирования и лавирования». В ноте на имя председателя СНК (с декабря 1930 по май 1941 г.) и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 16 сентября Болгария заявила о своем нейтралитете, а 17 сентября «с небывалым подъемом и ликованием» в стране было встречено известие о переходе Красной Армией польской границы [6, док. 538, с. 23–24; док. 603, с. 99–100]. В новой обстановке усилились надежды Софии добиться Добруджи с помощью Москвы и Берлина. Для этого, как выразился болгарский посланник в Берлине (с 1938 по 1942 г.) Прван Драганов в разговоре с советским полпредом (с сентября 1939 по ноябрь 1940 г.) А. А. Шкварцевым 25 сентября 1939 г., «достаточно советскому полпреду в Бухаресте поугатать румын примером Польши». В Бухаресте же появление советских войск на бывшей польско-румынской границе было встречено с тревогой [6, док. 633, с. 129; док. 638, с. 132–133]. Румыния, сделав ряд заявлений о строжайшем нейтралитете, все же сконцентрировала на новой советско-румынской границе три армейских корпуса, причем часть этих войск была переброшена из Добруджи [2, док. 2–4, с. 335–337; док. 7, с. 338]. Вместе с тем, министр труда Румынии Михай Раля уже 29 сентября высказывал мнение, что Болгария должна получить «свое удовлетворение территориального порядка» [16, док. 129, с. 255].

Демонстрируя сближение с СССР, София рассчитывала убедить своих соседей, особенно Румынию, в необходимости территориальных уступок. На этом фоне Болгария еще и лавировала между двумя силами: англо-французской и итало-германской, все более ориентируясь на последнюю. Развив дипломатическую активность для достижения ревизионистских замыслов, она, однако, не могла ввязаться в вооруженный конфликт в условиях войны в Европе. Этому мешала не только военная слабость Болгарии, но и отрицательная позиция Германии, которая в случае военных действий Дунайском бассейне лишилась бы огромного сырьевого рынка. Поэтому у

Болгарии оставался другой путь – дипломатическая торговля с соседями об уступках с их стороны с использованием нажима великих держав, заинтересованных в том или ином поведении Болгарии. Именно этот путь и был избран Софией [6, док. 904, с. 468, 470].

Осенью 1939 г. Болгария уклонялась от заключения с СССР договора о дружбе. Премьер-министр (с ноября 1935 по февраль 1940 г.) и министр иностранных дел Георги Кыосейванов на встрече с советским полпредом в Софии (с сентября 1939 по июнь 1940 г.) А. И. Лаврентьевым 3 ноября отклонил такую перспективу: договор мог «ускорить войну на Балканах», и «мы не знаем планов Советского Союза относительно Балкан» [15, док. 510, с. 468]. Одновременно муссировался план создания нового Балканского блока. В итоге выяснилась позиция Болгарии – нежелание входить в любые блоки и требование границ 1913 г. Наиболее же вероятной уступкой для Софии могла быть Южная Добруджа. Румынская сторона заявляла, что «никогда не уступит Болгарии Добруджи, а может только обменять население» [6, док. 771, с. 281–282; док. 773, с. 285]. Все это не исключало безответственных высказываний. Советский военно-морской атташе в Греции (с 1939 по 1941 г.) К. К. Родионов с армейской прямотой заявил своему болгарскому коллеге, что СССР «поможет в Добрудже с целью установить общую границу» [5, с. 32].

Официальная София с апреля 1940 г. начала подготовку возвращения Южной Добруджи, чему способствовала благоприятная дипломатическая конъюнктура. И Берлин с Римом, и Лондон с Вашингтоном были заинтересованы получить лавры за мирное урегулирование болгарско-румынского территориального конфликта. Ввиду этого на тайном совещании в МИД Болгарии 4 апреля было принято специальное заключение, в котором край рассматривался как наиболее доступный на данный момент объект мирных болгарских притязаний. Министр иностранных дел Болгарии (с февраля 1940 по апрель 1942 г.) Иван Попов разработал программу возвращения Южной Добруджи [8, с. 224–225]. Примечательный диалог состоялся 29 мая между болгарским и румынским послами в Париже Чукановым и Роману. Последний выразил убеждение, что соглашение с Болгарией должно быть достигнуто, добавив, что его король готов «отступить на всю Южную Добруджу», кроме Силистры и еще одного-двух городов [5, с. 88].

Между тем, СССР приступил к решению бессарабской проблемы. Присоединение Бессарабии и Северной Буковины к СССР состоялось 28 июня – 3 июля 1940 г. Напуганный румынский король (с июня 1930 по сентябрь 1940 г.) Кароль II в предчувствии новых потерь обратился 2 июля к А. Гитлеру, настаивая на «более тесном сотрудничестве с Германией». Ответ был неутешительным: Румыния «не сможет избежать отказа от территорий, населенных венграми или болгарскими, а не румынами» [19, р. 75–76].

Болгария на фоне краха Франции (22 июня) и бессарабского кризиса решила на практические шаги в добруджанском вопросе, привлекая внимание великих держав и играя на их противоречиях. 29 июня болгарский царь (с октября 1918 по август 1943 г.) Борис III предупреждал немецкого посланника (с мая 1939 по июнь 1941 г.) Герберта Рихтгофена, что вслед за Бессарабией в Болгарии обязательно начнутся выступления за возвращение Добруджи. Болгария же, во избежание опасности просоветского переворота, должна иметь на сей счет хотя бы германские обещания, иначе новый режим может получить

край уже из рук Москвы. Итальянскому посланнику в Софии Массимо Маджистрати было заявлено, что если Берлин и Рим продолжат пренебрегать Болгарией, то она обратится к Москве за разрешением добруджанского спора. Ситуация явно грозила подрывом влияния стран Стальского пакта в Болгарии, и они начали активные действия. В письме Каролу II от 15 июля 1940 г. А. Гитлер дал ему совет договориться на разумной основе и с Болгарией, и с Венгрией [4, с. 459–461].

Позиция великих держав по проблеме края была благосклонной. Посланник США в Софии Джордж Эрл после встречи с И. Поповым в конце июня докладывал о безусловной справедливости болгарских требований. В начале июля СССР уведомил Болгарию о поддержке ее претензий на край. Британский посланник в Болгарии Джордж Ренделл также заявил Попову о признании болгарских прав на Добруджу, досадуя, что Англия не возвратила ее Болгарии еще два года назад [3, с. 240–241].

Однако в Румынии перестали говорить даже о предварительном обсуждении добруджанской проблемы, но уйти от нее не представлялось возможным. Решающее значение для проблемы Южной Добруджи имели встречи А. Гитлера и И. Риббентропа в Зальцбурге с румынскими и болгарским премьер-министрами и главами МИДов – 26 июля с Ионом Джигурту и Михаилом Маноилеску, а 27 июля – с Борисом Филовым и Иваном Поповым. С Румынией было согласовано продолжение ее переговоров с Болгарией и Венгрией о территориальных уступках. Из уст Риббентропа румыны услышали, что Германия считает требования Болгарии и Венгрии к ней «полностью оправданными». К тому же, после Первой мировой войны Румыния стала «неестественно большой» и тем самым нарушила соотношение сил на Балканах. Софию проинформировали о поддержке Германией ее претензий на край. Однако Берлин отказался от болгарско-румынского арбитража, ограничившись лишь тем, что «может только советовать и помогать на переговорах». Одним из мотивов такой позиции было следующее. Филов считал добруджанский вопрос «более легким» по сравнению с трансильванским, так как венгерские претензии были «чрезмерными», а болгары «не будут торговаться и хотят лишь то, что у них вымогательно отняли в 1913 г. без боя». Гитлеру была предъявлена карта с вариантами границы и даны разъяснения [17, с. 206–209].

Москва очень интересовалась свиданием в Зальцбурге. На встрече В. М. Молотова с немецким послом (с 1934 по 1941) Вернером Шуленбургом 31 июля было выяснено, что Германия отказалась от роли арбитра и посоветовала Бухаресту уступить Южную Добруджу. Посол добавил, что Румыния и раньше была готова отдать край, но этому препятствовали Франция и Англия. Болгария была довольна позицией Москвы. Это следовало из реакции на речь В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР, полностью напечатанной 2 августа во всех утренних болгарских газетах [7, док. 357, с. 563]. Попов, который после Зальцбурга информировал болгарских послов за границей: немцы считают, что «требование о возврате Южной Добруджи вполне обоснованно и поддержат нас в этом», решил подстраховаться и в Москве. 2 августа в беседе с советским полпредом в Болгарии (с июня 1940 по сентябрь 1944 г.) А. А. Лаврищевым он радушно высказывался о речи Молотова и, ссылаясь на якобы предвидевшиеся трудности, сообщал, что Болгария на

переговорах с Румынией «хочет рассчитывать на... моральную поддержку» СССР [7, док. 296, с. 471].

Проблема Южной Добруджи обсуждалась на переговорах в румынском городе Крайова 19 августа – 7 сентября 1940 г. Уже в день их открытия М. Маноилеску заметил А. И. Лаврентьеву: «вопрос можно рассматривать как урегулированный» [7, док. 329, с. 522]. Однако переговоры проходили трудно. Особые разногласия вызывал размер уступки (румыны настаивали на сохранении Силистры и Балчика) [4, с. 463–464]. Острые дискуссии вызвал обмен населением. Румыны предлагали обязательный обмен, а болгары – добровольный. Затем в качестве уступки румыны выдвинули обязательное переселение для всех болгар и для добруджанских румын. Болгары же хотели распространить добровольный принцип на всю территорию Румынии. Обсуждалась огромная денежная компенсация в пользу Бухареста – в размере части румынского государственного долга, пропорционального переходящей к Болгарии территории [7, док. 342, с. 539]. Вместе с тем, властная элита Румынии боялась худшего – ликвидации своей государственности и повторения на почве какой-то советско-германской договоренности судьбы Польши.

На фоне решений Второго Венского арбитража 30 августа о передаче Румынией в состав Венгрии Северной Трансильвании переговоры в Крайове прекратились в ожидании вмешательства Германии. Б. Филов и И. Попов, потеряв терпение, были близки к началу вторжения в Добруджу. Политическая гибкость Бориса III и жесткие предостережения Берлина предотвратили такой авантюрный сценарий [14, с. 236].

7 сентября 1940 г. Крайовское соглашение было, наконец, подписано. Румыния возвратила Болгарии Кадрилатеру («Четырехугольник» – территория между городами Русе, Шумен, Силистра, Варна), то есть всю территорию, полученную в Нёйи [13, с. 65–78]. Она составляла 7,7 тыс. кв. км. с населением 378 тыс. человек. Южная Добруджа сыграла свою роль эвентуальной компенсации за блоковую ориентацию Болгарии, предопределив ее присоединение 1 марта 1941 г. к фашистской «оси».

Библиографические ссылки

1. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 74. Оп. 19. П. 9. Д. 10.
2. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Док. и матер. / В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко, Л. Е. Семенова, Т. А. Покивайлова (авт.-сост.). Раздел 7. М. : Индрик, 1996. 380 с.
3. Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Е. Л. Валева (отв. ред.). М. : Наука, 2002. 463 с.
4. Валева Е. Л. Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева / С. И. Данченко (отв. ред.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 452–470.
5. Дипломатически документи по участието на България във Втората световна война: дневници на Министерството на външните работи в правителствата на Георги Кьоосеиванов, проф. Богдан Филов, Добри Божилов, Иван Багрянов, Констатин Муравиев. Сборник / Цочо Билярски, Иванка Гезенко (съст.). София : ИК Синева, 2006. 590 с.
6. Документы внешней политики СССР (ДВП). 1939 г. Т. XXII: в 2 кн. / редкол.: В. Г. Комплектов [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1992. Кн. 2: сентябрь – декабрь. 688 с.
7. ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXII: в 2 кн. / редкол.: Г. Э. Мамедов [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1995–1998. Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940. 1995. 746 с.

8. Кратка история на Добруджа / Велко Тонев, Йордан Зарчев (ред.). Варна : изд. «Георги Бакалов», 1986. 438 с.
9. Кузманова Антонина. От Ньой до Крайова: Въпросът за Южна Добруджа в международни отношения (1919–1940). София : Наука и изкуство, 1989. 307 с.
10. Сальков А. П. Болгарско-румынский конфликт вокруг Южной Добруджи от Мюнхена до начала Второй мировой войны (сентябрь 1938 – сентябрь 1939 г.): советский и европейский внешнеполитический формат // Пічэтаўскія чытанні – 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі XX – пачатку XXI ст. : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 23–24 кастр. 2019 г. / рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (старш.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2019. С. 79–84.
11. Сальков А. П. Проблема Южной Добруджи от Нёйи до Мюнхена: версальский диктат, политика Коминтерна в крае, положение в румынском Кадрилатере (ноябрь 1918 – сентябрь 1938г.) // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VII / И. В. Крючков, О. В. Павленко (отв. ред.). Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2019. С. 130–143.
12. Сальков А. П. СССР и проблема Южной Добруджи в международных отношениях 30–40-х гг. XX в. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3 «Гісторыя». 2004. № 3. С. 28–35.
13. Сальков А. П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 гг.) // Новая и новейшая история (Москва). 2005. № 5. С. 65–78.
14. Сирков Димитър. Външната политика на България. 1938–1941. София : Наука и изкуство, 1979. 343 с.
15. Советско-болгарские отношения и связи. Док. и матер.: в 3 т. / Л. Б. Валиев, Христо Христов (ред.). – Т. 1: (ноябрь 1917 г. – сентябрь 1944 г.). М. : Наука, 1976. 651 с.
16. Советско-румынские отношения 1917–1941. Док. и матер.: в 2 т. / А. А. Авдеев, М.-Р. Унгуряну (ред.) [и др.]. М. : Междунар. отношения, 2000. – Т. 2: 1935–1941. 544 с.
17. Филов Борис. Дневник. София : изд-во на Отечественния фронт, 1990. 813 с.
18. Costea Maria. Relațiile politico-diplomatice româno-bulgare (1938–1940). Cluj-Napoca : Editura Napoca Star, 2010. 475 p.
19. Răzvan Limona. Populația Dobrogei în perioada interbelică. Semănătorul. August 2009. P. 75–76. [Электронный ресурс] URL: // <https://tulcealibrary.ro/wp-content/uploads/2017/02/Razvan-Limona-Populatia-Dobrogei.pdf> (режим доступа 13.03.2019).